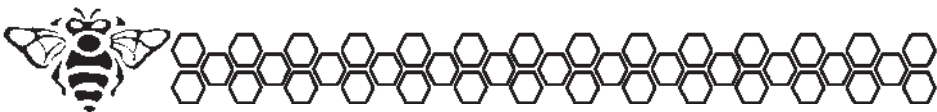

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

СИСТЕМА—НОРМА—УЗУС

*Ответственный редактор
Л. П. Крысин*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА
2010

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
К 45

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 09-04-16099

Авторы монографии:

*М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, Е. А. Земская,
Е. В. Какорина, Л. П. Крысин, С. М. Кузьмина, Р. И. Розина, В. З. Санников*

Ответственный редактор *Л. П. Крысин*

Техническая подготовка текста к печати *Е. А. Никишиной*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор МГЛУ *Г. Н. Иванова-Лукьянова*;
доктор филологических наук, профессор РГГУ *М. А. Кронгауз*

К 45 Современный русский язык: Система — норма — узус / Ин-т рус. яз. им.
В. В. Виноградова РАН. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 480 с.—
(Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0424-9

Монография продолжает цикл работ, выполненных в Отделе современного русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН и посвященных исследованию процессов, которые происходят в русском языке второй половины XX — начала XXI в.

Система языка в данной работе понимается как совокупность возможных способов и средств выражения, которыми обладает каждый национальный язык, а норма — как совокупность правил отбора таких способов и средств выражения (возможных в системе данного языка), которые приняты в данном обществе в данное время и которые признаются большинством говорящих наиболее пригодными для использования в той или иной коммуникативной ситуации. Норма реализует далеко не все из тех возможностей, которыми обладает система языка. Между системой и нормой находится узус — использование языка в разных сферах человеческой деятельности, речевая практика.

Монография состоит из введения и шести частей. Во введении определяются основные понятия, используемые в работе. Первая часть посвящена явлениям фонетики и орфографии, а также соотношению действующих орфографических правил и письменной практики. Во второй части изучаются процессы, характерные для лексики и лексической семантики. В третьей части исследуется ряд грамматических явлений, связанных главным образом с потенциальностью — то есть распространением в узусе таких языковых фактов, которые отражают возможности системы, но не «освящены» традиционной нормой. Соотношению системы, нормы и узуса в словообразовании посвящена четвертая часть. В пятой описываются языковые явления, наблюдаемые в сферах публичного общения — в радио- и телеэфире и в Интернете. Шестая часть содержит описание механизмов сознательного нарушения говорящими языковой нормы, что получает отражение в ироническом использовании языковых средств и в языковой игре. В заключении подводятся итоги исследования.

Материалом исследования послужили тексты письменной и устной русской речи преимущественно конца XX — начала XXI в. во всех ее функциональных и жанрово-стилистических разновидностях.

Книга адресована специалистам в области современного русского языка, аспирантам и студентам филологических факультетов, а также всем тем, кого интересуют процессы, происходящие в русском языке наших дней.

ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-9551-0424-9

© Авторы, 2010

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Проблема соотношения языковой системы, нормы и узуса (Л. П. Крысин)	9
Литература	25

Часть I

СИСТЕМА, НОРМА И УЗУС В ФОНЕТИКЕ И ПИСЬМЕ

(С. М. Кузьмина)

Глава 1. Нормативная фонетика и современная произносительная практика	31
Вводные замечания	31
Соотношение нормы и узуса в фонетике (на материале устной информационно-публицистической речи в СМИ)	32
Проблемы кодификации орфоэпической нормы	40
Языковые антиномии и их реализация в современных социальных условиях	43
Заключение	44
Литература	45
Глава 2. Нормы орфографии и современная письменная практика	47
Система в письме	47
Норма в письме	48
Взаимодействие нормы и узуса	52
Проблемы кодификации письма	58
Литература	66

Часть II

ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ И ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ В ИХ СООТНОШЕНИИ С СИСТЕМОЙ, НОРМОЙ И РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКОЙ

Глава 1. Слово в словаре и в современной речевой практике (О. П. Ермакова)	71
---	-----------

Семантические изменения в лексике	76
Расширение лексического значения	76
Процесс метонимизации	77
Процесс стяжения	79
Лексические нормы и модные слова	82
Норма и лексико-семантические анахронизмы	89
Заключение	92
Литература	93
Глава 2. Семантическая деривация	
в аспекте нормы (Р. И. Розина)	96
Вводные замечания	96
Один день из жизни сленга	97
Метонимия в литературном языке и в сленге	102
Метонимические значения глаголов звучания	
в литературном языке и в сленге	103
Метонимические значения глаголов движения	111
<i>Наехать</i>	111
Новые значения глагола <i>идти</i>	116
<i>Идти</i> в функции связки	120
Метонимия в поэзии: И. Бродский	124
Модели поэтической метонимии	127
Литература	137
Глава 3. Формирование оценочных значений	
у безоценочных слов (М. Я. Гловинская)	140
Вводные замечания	140
Прилагательные со значением конфликта мнений	
(<i>неоднозначный</i> и <i>спорный</i>)	140
Глаголы <i>заявлять</i> и <i>объявлять</i>	143
Выводы	148
Литература	150
Глава 4. Проблемы представления	
новых лексических явлений в нормативных словарях	
(на примере иноязычных неологизмов) (Л. П. Крысин)	151
Вторичные заимствования и их описание	
в толковом словаре	161
Литература	166

Часть III
СИСТЕМНЫЕ, НОРМАТИВНЫЕ И УЗУАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ
В МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСЕ

Глава 1. Потенциальные глагольные формы (<i>М. Я. Гловинская</i>)	171
Вводные замечания	171
Видовые корреляты	171
Критерии потенциальности видового коррелята	171
Выводы	189
Действительные причастия будущего времени <i>in statu nascendi</i>	193
Литература	197
Глава 2. Об одном типе нарушений синтаксической нормы (<i>Л. П. Крысин</i>)	200
Литература	203

Часть IV
СИСТЕМНЫЕ, НОРМАТИВНЫЕ И УЗУАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ
В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Глава 1. Литературная норма и неузуальное словообразование (<i>Е. А. Земская</i>)	207
Вводные замечания	207
Несколько замечаний о языковой норме	210
Об основных тенденциях в словообразовании рубежа XX — начала XXI в.	211
Перераспределение роли и места в системе языка разных способов словообразования	212
Расцвет префиксации	212
Иноязычные приставки	213
Русские приставки	220
Активность морфем иноязычного происхождения. Появление в русском языке новых заимствованных аффиксов	221
Слова-гибриды	222
Имена существительные	223
Прилагательные	223
Глаголы	224
Иноязычные глаголы с русскими приставками	224
Суффиксация	224
Отвлеченные существительные	224

Имена лиц	233
Семантическое словообразование	238
Наименования лиц женского пола	239
Модификационные категории диминутива и аугментатива	242
Названия неодушевленных предметов	243
Словообразовательные игры с языком	245
Игра в два алфавита как явление неузуального словообразования	246
Выводы.	247
Список сокращений	249
Литература.	250
Глава 2. Иноязычные неологизмы и их словообразовательные возможности (<i>Л. П. Крысин</i>)	254
Литература.	259
Глава 3. «Точки роста» в системе современного словообразования: аналитические прилагательные и их место в системе и норме (Е. И. Голанова)	261
Литература.	270
Часть V	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИСТЕМНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ И УЗУСА В ПУБЛИЧНЫХ СФЕРАХ ОБЩЕНИЯ	
Глава 1. Язык интернет-коммуникации (Е. В. Какорина)	273
Интернет-коммуникация (ИК) как новый тип речевого общения	273
Лингвистический статус интернет-коммуникации	276
Компьютерный жаргон как одна из составляющих языка ИК	277
Языковые игры в интернет-общении	282
Другие составляющие языка ИК	284
«Языки» интернет-сообществ	287
Ключевые семантические области	291
Аббревиатуры и акронимы как неологизмы интернет-коммуникации	294

Отталкивание от литературной нормы (жаргон «падонкафф» и стиль «превед!»)	295
Двуязычность и двуалфавитность письма в текстах ИК.	300
Расширение возможностей языка или игра в бисер?	300
Двуязычность и двуалфавитность письма	301
«Рунглиш»	304
Двуалфавитность	304
Дополнительные знаки и символы	306
Регистр	306
Буквы	306
Цифры	307
Дополнительные знаки	307
Смайлы	309
История смайлов	309
Русские смайлы	311
Смайл как культурный знак и символ интернет-сообщества	313
Языковой образ ИК.	314
Метафоры Интернета.	314
Метафоры, раскрывающие внутреннюю форму слов <i>WWW, Интернет</i>	314
Лексические обозначения передвижения пользователей по Сети	321
Лексические обозначения места в Сети.	327
«Вещи» в Интернете и их лексические обозначения	336
Выводы.	337
Литература.	338

Глава 2. Публичная речь. Современное словоупотребление:

соотношение литературной нормы и узуса (на материале дискурсивных слов) (Е. И. Голанова).	341
Вводные замечания	341
Дискурсивная лексика в контексте публичной речи	343
Функционирование дискурсивных слов в публичном диалоге	344
Функционирование дискурсивных слов в публичном монологе	359
Заключение	364
Приложение.	364
Литература.	373

Часть VI
СОЗНАТЕЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ ГОВОРЯЩИМИ
ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Глава 1. Ирония в отношении к лексико-семантической норме и к узусу (О. П. Ермакова)	379
Языковая норма и типы иронии	379
Некоторые особенности иронии в прессе	387
Лексические средства выражения иронии в прессе	393
Языковые механизмы текстовой иронии в прессе	398
Самоирония в разных сферах языка конца XX и начала XXI века	400
Замечания об «околоиронических» явлениях и функции кавычек	405
Выводы	407
Литература	408
Глава 2. Языковая игра (В. З. Санников)	410
Вводные замечания	410
I. Языковая игра в соотношении с системой языка, нормой и узусом	414
II. Что дает языковая игра говорящему?	428
III. Что дает языковая игра для развития языка?	450
III. а	450
III. б	459
Литература	465
Заключение (Л. П. Крысин)	469
Summary	473
Список сокращений	476

ВВЕДЕНИЕ

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ, НОРМЫ И УЗУСА

(Л. П. Крысин)

В монографии «Русский язык и советское общество» (1968) Михаил Викторович Панов сформулировал теорию антиномий¹ — присущих языку постоянно действующих противоречий, благодаря которым совершается его развитие. Основные антиномии: говорящего и слушающего, узуса и возможностей языковой системы, кода и текста, антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака, антиномия двух функций языка — информационной и экспрессивной (см. [РЯиСО, кн. 1: 24 и след.]). Механизмы действия антиномий были убедительно продемонстрированы в указанной работе на материале развития русского языка первой половины XX века; сама теория получила признание у большинства лингвистов, занимающихся проблемами языковой эволюции.

К теме нашего исследования имеет прямое отношение главным образом антиномия узуса и возможностей языковой системы. Вот как иллюстрирует действие этой антиномии М. В. Панов:

«Узус ограничивает использование языковых единиц и их сочетаний; живые потребности речевого употребления заставляют постоянно прорывать цепь этих ограничений, используя возможности, заложенные в языковой системе. Например, узус запрещает сказать *победю*, или *побежу*, или *побежду*. Можно использовать оборот *я буду победителем, я одержу победу, победа за мной*; но они слишком книжны, не годятся для непринужденной бытовой речи

¹ Хотя понятие антиномии использовалось в лингвистике и ранее (напр., в работах Л. Ельмслева), М. В. Панов рассматривает разные антиномии в их взаимосвязи и формулирует ряд положений о природе антиномий, об их реализации в ходе языковой эволюции, о влиянии на эту реализацию социальных факторов и т. п., что в совокупности можно несомненно считать теорией антиномий.

(и могут в ней употребляться только шутливо). Потребности языкового общения и запрещают, и одновременно заставляют использовать эти формы (ведь строгое исполнение языковых запретов отвечает определенной потребности общения)» [РЯиСО, кн. 1: 25].

Термин «узус» употреблён здесь практически как синоним термина «норма», на это указывают такие характеристики, содержащиеся в приведённой цитате: *узус ограничивает, цепь ограничений* (накладываемых узусом), *узус запрещает, исполнение языковых запретов* (диктуемых узусом); как известно, ограничения и запреты — это функции языковой нормы. По-видимому, такая синонимия послужила причиной того, что в работах других исследователей, развивавших теорию М. В. Панова, эта антиномия иногда называется антиномией системы и нормы (см., например [Крысин 1968; 1989: 22; Беликов, Крысин 2001: 105, 106—107])².

Насколько оправданно употребление терминов «узус» и «норма» как синонимов? Не обозначают ли они нечто хотя и близкое, но всё же существенно различающееся?

Прежде чем ответить на эти вопросы, рассмотрим понимание языковой нормы в современной лингвистике.

Термин *норма* часто используется в двух смыслах — широком и узком.

В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов. В этом понимании норма близка к понятию *узуса*, т. е. общепринятых, устоявшихся способов использования данного языка. Так, можно говорить о норме применительно к территориальному диалекту: например, нормальным для севернорусских диалектов является оканье, а для южнорусских — аканье. По-своему нормативен и любой из социальных или профессиональных жаргонов: например, то, что используется в торговом арго, будет отвергнуто как чуждое теми, кто владеет жаргоном плотников; устоявшиеся способы использования языковых средств существуют в армейском жаргоне и жаргоне музыкантов-«лабухов», и носители каждого из двух этих жаргонов с лёгкостью отличат чужое от своего, «нормального», и т. д.

В узком смысле норма — это результат целенаправленной кодификации языка. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием *литературного* языка, который иначе называют нормированным, или кодифицированным³. Территориальный диалект, городское просторечие, социальные и

² Заметим, что в лингвистической литературе встречается и терминологическая синонимия иного рода: языковая система понимается как «естественная норма» [Апресян 1993: 9].

³ В западной лингвистической традиции принят термин «стандарт»; из отечественных языковедов этот термин предпочитал употреблять Е. Д. Поливанов (см., например [Поливанов 1968]). Некоторые современные исследователи считают, что термин *стандарт*, или

профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации, и поэтому к ним не применимо понятие нормы в узком смысле этого термина⁴.

Получается, что применительно к некодифицированным сферам языка мы можем употреблять термины «узус» и «норма» безразлично: то, как принято говорить, скажем, на данном диалекте, — это языковой обычай, узус, но это и диалектная норма, отличающая его от других диалектов⁵. Однако относительно кодифицированной подсистемы, каковою является литературный язык, такое безразличие в использовании терминов «узус» и «норма» явно не оправданно: одно дело, как предписывают употреблять языковые средства словари и грамматики (норма), и другое — как в повседневном речевом общении следуют этим предписаниям носители литературного языка (узус, речевая практика). Несовпадение нормативных прескрипций и речевой практики более или менее очевидно, и современная устная и письменная речь предоставляет нам массу примеров такого несовпадения.

Из сказанного следует, что применительно к литературному языку полезно различать (в рамках рассматриваемой антиномии) три сущности: систему, норму и узус. При этом в понятии нормы надо иметь в виду два указанных выше смысла — широкий и узкий: 1) норма как результат традиции, как многолетний обычай использовать языковые единицы и их сочетания и 2) норма как результат кодификации, как совокупность предписаний, касающихся употребления языковых единиц.

Из возможностей, содержащихся в системе языка, литературная норма отбирает такие, которые в наибольшей степени удовлетворяют потребностям речевой коммуникации. Норма в первую очередь — это **выбор** (из множества

стандартный язык, более точно соответствует сущности того, что принято называть литературным языком (см., например [Шайкевич 2005: 220], а также [Живов 2005], где термину *литературный язык* предпочитается термин *языковой стандарт*).

⁴ Одним из первых в лингвистической науке двойное понимание нормы (дескриптивное — то, как *говорят*, как *принято* говорить в данном обществе, и прескриптивное — как *надо*, как *правильно* говорить) выдвинул уругвайский лингвист Э. Косериу: в широком смысле «норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что уже “сказано” и что по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе» (см. [Косериу 1963: 175]), а в узком смысле норма — результат целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определённых языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению. Близкое к этому понимание нормы можно найти и в работах представителей Пражского лингвистического кружка (например, Б. Гавранка, А. Едлички).

⁵ Говоря о том, что не только литературный язык, но и местные и социальные диалекты имеют свою норму, то есть комплекс традиционно употребляемых средств («узус определяет норму народного языка»), Б. Гавранек обращал внимание на то, что «отклонения от этого комплекса воспринимаются [носителями данного диалекта. — Л. К.] как нечто ненормальное, как отступление от нормы» [Гавранек 1967: 339, 340].

системных возможностей — таких, которые оптимальны для тех или иных условий общения) и лишь во вторую очередь — з а п р е т, ограничение использования тех или иных языковых средств (как «разрешённых» системой, так и находящихся за ее пределами). Запрет (того или иного способа произношения, той или иной формы слова, синтаксической конструкции и т. п.) — лишь следствие выбора: выбрав одну из разрешённых системой возможностей, носитель языка бракует другие как не соответствующие коммуникативной задаче.

Литературная норма объединяет в себе и языковую традицию, и кодификацию, во многом основывающуюся на этой традиции. Тем самым литературная норма противопоставлена, с одной стороны, системе (не всё, что допускает языковая система, одобрено нормой), а с другой — речевой практике: в речевой практике вполне обычны большие или меньшие отклонения как от традиционной нормы, так и от тех нормативных предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях.

Примеры несовпадения системных возможностей, нормативных предписаний и речевой практики многочисленны и разнообразны.

Так, фонетическая система русского языка допускает сочетания мягких задненёбных согласных с последующим /o/: [к'о], [г'о], [х'о]. Литературная же норма отвергает словоформы типа *берегёт*, *жгёт* (хотя в речевой практике литературно говорящих людей эти формы встречаются⁶), словоформы со звуко сочетанием [к'о] единичны: *ткёшь*, *ткёт*, *ткём*, *ткёте*, а слова с [х'о] в русском литературном языке не встречаются. Тем не менее эти звуко сочетания «фонетически закономерны», и «можно уверенно ожидать, что какое-нибудь заимствование типа *гёла*⁷ или необычное имя собственное с этим сочетанием (*Хёлин*) будет произноситься людьми, владеющими русским литературным языком, без звуковых замен и без артикуляционных запинок: они сохранят именно такой свой облик, с [г'о] и [х'о], даже если войдут в число общеупотребительных, частой в бытовой речи слов» [Панов 1967: 79—80].

Языковое творчество детей и некоторых писателей также может служить свидетельством того, что возможности системы языка значительно шире того, что разрешает литературная норма и что закреплено в узусе.

В знаменитой книге Корнея Чуковского «От двух до пяти» приведены многочисленные факты «незаконных» (а на самом деле вполне допускаемых системой русского языка) детских формо- и словообразований типа *зада-*

⁶ По данным массового обследования носителей русского литературного языка в 60-х гг. XX в., приблизительно пятая часть опрошенных сочла допустимым употребление форм *волокёт* и *жгёт* [РЯДМО: 215 и след.].

⁷ Ср. слова *гёрлс*, *гёрлскаут*, *гёрлфренд*, заимствованные русским языком в самом конце XX в. и уже зафиксированные словарями (см., например [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003: 152; Крысин 2005: 192; Русский орфографический словарь 2005]).

ду, спрятаю, пивнул, откуснул, всколькером, рукти (по образцу слова *ногти*: «на ногах *ногти*, а на руках *рукти*»), *окошный* дом, *зубовный* врач, *пугательные* сказки и т. п. [Чуковский 1990: 105 и след.]. Один из персонажей романа А. Солженицына «В круге первом», Илларион Герасимович, «не слабел, а, наоборот, *сильнел* от такой жизни». Разумеется, система языка не ставит под запрет образование глагола *сильнеть* от прилагательного *сильный*, поскольку словообразовательная модель производства глаголов со сходной семантикой (‘приобретать свойство, обозначенное прилагательным, в большей степени’) от других прилагательных, имеющих в своём составе суффикс *-н-*, существует: ср. *полный* — *полнеть*, *умный* — *умнеть*, *ясный* — *яснеть* и под. Однако ни в нормативных словарях, ни в речевой практике большинства говорящих по-русски глагола *сильнеть* нет. Заметим, что А. И. Солженицын вполне осознанно и целенаправленно расширяет русский словарь, вводя в него слова, отчасти забытые, отчасти стоящие на периферии языка, отчасти придуманные им самим, но образованные в большинстве случаев в соответствии с системными закономерностями русского языка: *выкоренить* (искоренить, истребить), *головотряс* (недуг), *думчивый* (требующий призадуматься), *изломистый*, *крохота* (мелюзга, мелкота), *лют* (сильный мороз, стужа; ср.: «Ой, *лют* там сегодня будет, двадцать семь с ветерком, ни *укрива*, ни *грева!*» — «Один день Ивана Денисовича»), *неуют*, *скорodelьный*, *сличка* (сравнение), *хрусткий* (жесткий, твёрдый и ломкий), *чашичат* (бражничать, пировать) и под. [Солженицын 1990].

В разные периоды развития языка литературная норма имеет качественно разные отношения с речевой практикой.

В эпохи демократизации языка тенденции, действующие в узусе, преодолевают сопротивление традиционной нормы, и в литературном языке появляются элементы, которые до того времени норма не принимала, квалифицируя их как чуждые нормативному языку. Например, характерное для современной речевой практики распространение флексии *á* (*-я*) в именительном падеже множественного числа на всё более широкий круг существительных мужского рода (*инспектора, прожектора, сектора, цеха, слесаря, токаря* и под.) означает, с одной стороны, что конфликт между системой и нормой разрешается в пользу системы, а с другой, что постоянно изменяющийся, пополняемый новшествами узус, живая речевая практика оказывает давление на традиционную норму, и для некоторых групп существительных образование форм на *á* (*-я*) оказывается в пределах кодифицированной нормы (и, значит, конфликт между нормой и узусом разрешается в пользу узуса).

Форма родительного падежа множественного числа *носок* (*несколько пар носок*), недавно разрешенная современными кодификаторами грамматической нормы наряду с традиционно-нормативной *носков* (см. [Еськова 1994: 191;

Орфоэпический словарь 1997: 304]), — несомненная уступка просторечному узусу, из которого форма родительного падежа множественного числа с нулевой флексией (*носок*), ранее оценивавшаяся как бесспорно неправильная, распространилась и в среду говорящих литературно. Влиянием просторечной и профессионально-технической среды объясняются и многие другие варианты, допускаемые современной русской литературной нормой: *дóговор*, *дoговoрá*, *дoговoрoв* (наряду с традиционными *дoговoр*, *дoговoры*, *дoговoрoв*) [Еськова 1994: 88; Орфоэпический словарь 1997: 126], *переговoры по разoружeнию* (наряду с *переговoры o разoружeнии*), *радиoвещаниe на заграницу* (то есть *радиoвещаниe для слушaтeлeй, живущих заграницей*), *войнa на уничтoжeниe* (вместо традиционной конструкции *войнa с цeлью уничтoжeния*), *пoдeлиться o впечaтлeнияx* (вместо *пoдeлиться впечaтлeниями*)⁸ и т. п.

Речевая практика может способствовать не только проникновению в нормированный язык новых для литературного языка единиц, но и укреплению в нём новых моделей — словообразовательных, синтаксических и других. Например, многочисленные лексические заимствования из других языков, главным образом из английского, расширившие нормативный русский словарь в конце XX века, способствуют и тому, что активизируются структурно новые типы слов. Таковы, например, некоторые словосочетания с так называемыми аналитическими прилагательными — типа *бизнес-план*. Надо сказать, что образование подобных словосочетаний — явление не новое для русского языка, их массовое возникновение (на основе сокращений типа *парт-*, *проф*, *сов* и т. п.) относится ещё к 20-м годам XX в.; грамматические свойства аналитических прилагательных достаточно хорошо изучены (см. в первую очередь работы М. В. Панова, который предложил и сам термин «аналитические прилагательные» — [Панов 1956; 1971]). В большинстве случаев аналитическое прилагательное представляет собой неизменяемую единицу (*аудио-*, *био-*, *видео-*, *гидро-*, *кардио-*, *космо-*, *нарко-*, *шоу-* и под.), и препозитивное присоединение её к знаменательному слову — явление вполне естественное, аналогичное тому, как присоединяются к определяемым словам обычные, изменяемые определения-прилагательные. Однако когда в качестве аналитического прилагательного выступают слова, которые могут существовать и в виде склоняемых существительных (*бизнес*, *Интернет*), то речь может идти не только об образовании словосочетаний с аналитическими прилагательными (*бизнес-план*, *интернет-карта*), но и о более традиционных для системы русского синтаксиса генитивных словосочетаниях (*план бизнеса*, *карта Интернета*) или о предложно-падежных конструкциях (*план по бизнесу*, *карта для Интернета*);

⁸ Об источниках и нормативном статусе этих и других подобных конструкций см. [Ицкович 1982; Синтаксис и норма 1974; Гловинская 1996; Крысин 2000; 2004].